

рого Аустерлица не случилось, ибо Барклай де Толли принял решение отступить к Смоленску, где, в конце концов, обе российские армии соединились. От отчаяния и бездействия у Наполеона родилась здравая мысль «прервать в Витебске эту странную, ни на что не похожую кампанию» [5, с. 523]. Но иллюзии и миражи манили французского императора дальше на восток. Двухнедельное пребывание Наполеона в Витебске обернулось для его жителей неслыханным бедствием. Е.В. Тарле приводит свидетельство жителя, пережившего дни оккупации. Тот нарисовал следующую картину: «Горящие вокруг селения и предместья города, улицы, усталые ранеными и мёртвыми, поля, умащенные человеческой кровью и усеянные множеством трупов, грабёж, насильствования и убийства обезоруженных жителей...» [5, с. 524]. Подтверждение этому свидетельству находим в «Дневнике Павла Пущина», который пишет о массовых пожарах в Витебске [1, с. 53].

Накануне своего дня рождения французский император покинул несчастливый для него город в поисках сражения, ради которого готов был идти «до святого города Москвы и выиграть его, а потом заключить мир с Александром у Московских ворот» [5, с. 528]. Но на поверку оказалось, что путь от Витебска до Москвы и обратно стал одной большой братской могилой для французской армии.

На счастье жителей Витебска остатки отступающей «великой армии» повторно не вошли в город, так как её опередили российские войска, что тоже было весьма обременительно для населения.

Победа российской армии над французскими войсками стала величайшим событием и изменила жизнь всего общества.

1. Дневник Павла Пущина. 1812–1814 / П.С. Пущин; подгот. В.Г. Бортневский. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1987. – 222 с.
2. Жилин, П.А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов: жизнь и полководческая деятельность / П.А. Жилин. – 3-е изд., доп. – М.: Воениздат, 1987. – 368 с.
3. История 19 века в восьми томах / под ред. проф. Лависса и Рамбо; пер. с фр. – 2-е изд. – М.: ОГИЗ. Государственное социально-экономическое изд-во, 1938. – Т.2.: Время Наполеона. 1800–1815. – 580 с.
4. Маркс, К. Собрание сочинений / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Т. 14. – С. 93.
5. Тарле, Е.В. Сочинения в двенадцати томах / ред. кол. А.С. Ерусалимский (гл. ред.), Н.М. Дружинин [и др.]. – Т. 7. / редактор М.В. Нечкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – 868 с.

С.А. Тихомиров
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ЭПОХИ НАПОЛЕОНОВСКОГО НАШЕСТВИЯ
(по материалам Государственного архива Вологодской области)

Отечественная война 1812 года является одним из знаменательных событий в русской истории, под знаком которого в России прошла вся первая половина XIX столетия. Это был рубеж, который делил жизни людей на довоенный и послевоенный периоды, и так продолжалось, пожалуй, до Крымской войны, когда у следующего поколения появился свой рубеж. Историческая память нации избирательна: победы, как правило, остаются в народной памяти, тем более что этому способствует и государство в лице своего аппарата, время от времени иницилирующее юбилейные мероприятия. Если говорить об обыденном сознании, то благодаря, главным образом, литературным произведениям и воспоминаниям участников войны события 1812 года всегда были окутаны для русского народа дымкой романтики. Официальные источники, которые составляют основу фондов любого государственного архива, помогают увидеть новые грани событий и механизмы

их совершения, многочисленные организационные сложности, которые приходилось преодолевать их участникам.

Весь комплекс документов по истории Отечественной войны 1812 года, сосредоточенных в фондах Государственного архива Вологодской области, по видовому признаку можно разделить на две неравные группы. Самая объёмная группа – это делопроизводственные документы органов государственного управления, городского, земского, сословного самоуправления, различных учреждений военного, духовного ведомств, системы образования и других. Ко второй, сравнительно небольшой по составу группе, следует отнести документы личного происхождения: переписка, воспоминания участников войны, которые сосредоточены в личных фондах.

Так как Государственный архив Вологодской области располагает в основном делопроизводственными документами по истории войны, созданными на тыловой территории, по ним можно увидеть лишь некоторые её стороны. Любая война в делопроизводственных документах предстает в несколько ином виде, чем та же война в источниках более субъективного характера, какими являются документы личного происхождения. Делопроизводство – это вообще довольно самостоятельная сфера, внутри которой происходят действия связанные с составлением бумаг, отдаются приказы, пишутся отношения, донесения, рапорты, отчёты. В делопроизводственных документах наиболее чётко проступает организаторская роль власти в событиях, тем более что в этих документах отражаются отношения соподчиненности. Разумеется, судить о таком событии как война 1812 года по какому-то одному виду источников нельзя, это совершенно искажает картину и без того весьма неполную. Употребляя термин «война», обычно подразумевают не только боевые действия и их участников, но так же общество и государство в годы войны.

По содержанию (по тематическому признаку) документы можно систематизировать в большое количество групп, в зависимости от задач исследования.

Поскольку одной из главных функций губернского уровня власти в начале XIX века было доведение до сведения населения Императорских указов, Манифестов царя, указов Правительствующего Сената, предписаний министерств и ведомств, то копии этих законодательно-нормативных документов, выпущенных по различным поводам в 1812 году и позднее, сохранились в архивных фондах в большом количестве, породив и основной объём переписки по их прохождению по инстанциям и исполнению. В качестве примера возникновения такого ряда документов можно привести Указ Правительствующего Сената от 1817 года об учреждении бронзовой медали в память войны 1812 года, прошение тотемского купца Холодилова о награждении его медалью и Указ Сената о его награждении [1]. Следует отметить, что купец Холодилов был одним из немногих жителей Вологодской губернии, награжденных этой медалью.

Одним из явлений повседневности войны 1812 года были наборы в народные ополчения и в различные военные подразделения. Наборы в ополчения были организуемы губернскими властями по указанию из Санкт-Петербурга. В фонде Вологодской городской Думы сохранилось распоряжение Вологодского гражданского губернатора Н. И. Барша о формировании народного ополчения от 17 июля 1812 года (по старому стилю) [2], списки воинов ополчения [3]. В фонде Вологодской духовной консистории сохранились прошения о зачислении в ополчение семинаристов, служащих духовных правлений, послушников монастырей [4].

Кроме документов, свидетельствующих о всеобщем желании и порыве встать на защиту Отечества, история сохранила свидетельства о том, что первоначально вербовка дворян на военную службу шла не совсем гладко. Согласно пе-

реписке Вологодского губернатора с Военным министерством, которое испытывало дефицит в кадрах офицеров для сопровождения рекрутских партий, известно, что из вологодских дворян, призванных на эту службу никто вовремя к месту не явился [5]. Губернатор даже вынужден был обратиться к губернскому предводителю дворянства с письмом, в котором были следующие строки: «Монаршее повеление, последовавшее о скорейшем сборе рекрут по 83 набору по привлечение их в место назначения, и что по неимению при здешнем батальоне в достаточном количестве обер-офицеров, к препровождению рекрутских партий на основании того же повеления должны быть назначены дворяне, из которых, однако, в срок никто не явился» [6]. Возможно, такая тыловая служба не привлекала вологодских дворян.

Как свидетельствуют документы, мещане и крестьяне попадали в ополчение и различные военные отряды не всегда по собственному желанию. На это указывают документы о принятии в ополчение мещан города Вытегры, где согласно переписке некоторые мещане вступали в ополчение, спасаясь от кредиторов [7]. В фонде Вытегорской городской думы сохранились три свидетельства, выданные Олонецкой уголовной палатой городскому мещанскому обществу о взятии опытных охотников, метких стрелков с исправным оружием в Санкт-Петербургское ополчение: например, «Свидетельство [дано] Олонецкой губернии города Вытегры мещанскому обществу в том, что принят с оногo мещанин Денис Степанов из упражняющихся в стрельбeи зверей и птиц для причисления его стрелком к тому ополчению, которое в С<анкт> Петербурге противу неприятеля вторгнувшегося в пределы России составляется, приметамн же тот стрелок: Лицом смугловат, рябоват и веснушки природные, глаза карие, волосы на голове темнорусые, а на бороде такие же проседают, 27 лет, 2 ар<ина> 5 с половиной вер<шков>, холост. Во уверение чего и дано сие (свидетельство) в городе Вытегре. (июля) Августа 24 дня 1812 года. Статский советник Башинский» [8].

Архивные документы сохранили многочисленные данные о пожертвованиях вологжан на обмундирование ратников, сделанных в 1812–1814 годы. До исследователей дошли ведомости, списки пожертвований. В качестве жертвователей выступали представители различных социальных групп: мещане, крестьяне, купцы, дворяне, священнослужители. Причём пожертвования были довольно значительны в сравнении с личными капиталами жертвователей, то есть были истинными жертвами с их стороны. В частности, епископ Вологодский и Устюжский Евгений (Болховитинов) пожертвовал 500 рублей на организацию ополчения [9]. В фонде Вологодской духовной консистории сохранились так же рапорты благочинных о пожертвованиях священнослужителей и прихожан [10].

По формулярным и послужным спискам чиновников и дворян Вологодской, части уездов Новгородской и Олонецкой губерний можно выявить лиц, принимавших участие в сражениях с французами именно в 1812 году. Однако их было не так много, как ожидалось увидеть. Так что, когда в 1912 году Министерство внутренних дел искало по губерниям для участия в официальных торжествах участников военных событий 1812 года, и Бородинского сражения, в Вологодской губернии таковых не оказалось. А их ближайших родственников по мужской и женской линиям, согласно архивным документам, нашлось очень не много [11].

Свет на судьбы рядовых и нижних чинов, участников сражений, после окончания войны проливают документы, связанные с назначением им пенсий и пособий. При знакомстве с некоторыми из них всплывает в памяти история капитана Копейкина из гоголевских «Мертвых душ», который безуспешно добивался назначения пенсионного обеспечения за увечья, полученные в боях с неприятелем.

лем. А ему все отказывали, мотивируя это тем, что пока государь-император не вернется из заграничного похода и не отдаст соответствующих распоряжений, ничего сделать нельзя. И действительно, Комитет по сбору пожертвования в пользу раненых и увечных воинов был создан лишь в 1814 году. Вологодские купцы и помещики откликнулись на инициативу общественной помощи воинам. По документам отмечаются случаи пожертвования целых имений в пользу комитета [12]. Имение должно было поступить в ведение Комитета после смерти владельца и его ближайших родственников. Комитет уведомлялся о таких пожертвованиях, и в дальнейшем следил за судьбой таких имений через губернские палаты, и охранял от поползновений наследников, желавших продать или заложить имение (например, пожертвование М. Д. Тугариновой) [13].

Имеются списки военнопленных французов, размещенных на территории Вологодской, Новгородской, Олонецкой губерний и переписка по их пребыванию, размещению и надзору за ними. Они размещались, по всей видимости, только в городах. География размещения пленных весьма широка: от Вытегры до Грязовца и от Устюжны до Вельска. Пленные французы начали поступать в Вологодскую губернию еще до начала 1812 года, это были, вероятно, солдаты, взятые в плен в результате сражений на территории Европы.

В архивах хранятся документы не только периода Отечественной войны, но и документы, содержащие информацию по интерпретации событий этой войны в последующие годы, вплоть до наших дней. В частности столетний юбилей войны 1812 года стал поводом для изучения этих событий Обществом изучения Северного края.

Что касается документов личного происхождения, то в архиве сохранилось письмо вологодского помещика А.И. Дружинина военному историку А.И. Михайловскому-Данилевскому с воспоминаниями о героической гибели одного из лучших и талантливейших полководцев той поры генерала Я. П. Кульнева, свидетелем которого он был [14], написанными в 40-х годах XIX века.

Таким образом, раскрывая вопрос об отражении событий эпохи наполеоновского нашествия в провинциальном документальном наследии, следует отметить, что государственные архивные коллекции обладают достаточным корпусом источников, чтобы объективно изучить и сделать вывод об участии внутренних губерний Российской империи в военных действиях 1812–1814 годов. Однако в содержательном отношении все они сообщают отрывочную информацию, требуя поиска источников в федеральных архивохранилищах. Подтверждением тому, например, выступает отсутствие в Государственном архиве Вологодской области документов об эвакуации в Вологду ценностей Московского Кремля.

1. Государственный архив Вологодской области (далее – ГАВО). – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 286. Л. 94–95 об., 101.
2. ГАВО. – Ф. 476. – Оп. 1. – Д. 60. – Л. 1–2 об.
3. ГАВО. – Ф. 917. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 4–7 об.
4. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 6633. – Л. 36.
6. ГАВО. – Ф. 18. – Оп. 1. – Д. 193. – Л. 47–62.
7. ГАВО. – Ф. 31. – Оп. 1. – Д. 16.
8. ГАВО. – Ф. 1064. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 13–15.
9. ГАВО. – Ф. 1064. – Оп. 1. – Д. 371. – Л. 13.
10. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 6633. – Л. 10.
11. ГАВО. – Ф. 496. – Оп. 1. – Д. 6633. – Л. 78–92 об.
12. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 6798.
13. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 415.
14. ГАВО. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 6798. – Л. 92–92 об.
15. ГАВО. – Ф. 671. – Оп. 1. – Д. 40. – Л. 2–8.